

ПОСТИГАЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ

— Почему называется «Мальчик с пальчик»? Он что — спал все время?

Пятилетняя Аня недоумевает: ведь герой этой сказки спал, как обычные дети, даже немножко меньше (проснулся ночью)! Почему же он «Спальчик»?

Своеобразное, неожиданное восприятие метафоры детьми — закономерное явление. Мы, взрослые, конечно же, смеемся над ними, и зачастую нам некогда зацепиться за подобные факты, чтобы поговорить с маленьким человечком о родном языке, о безграничной образной силе слова.

Мы читаем ребятишкам вслух и в идеальном случае фиксируем созвучный (и наш взрослый, и их — детский) интерес к тексту. Они сидят тихо, в глазах — заинтересованность, внимательно слушают и почти всегда выплескивают свои эмоции. Взрослый чтец удовлетворен: эффект налицо. Но за этим видимым эффектом кроются неясные вопросы. Что остается от чтения? Промелькнул ли текст коротким удовольствием, растаявшим бесследно? Или оставил «зарубку» в памяти? Обогастил интеллектуально, нравственно, восхитил красотой мира и значимостью слова в нем?

Все это не праздные вопросы, а поиски возможностей полнее использовать книгу в сложной работе по «строительству души» растущего человека. В подобной работе прикосновение и хоть в какой-то мере проникновение ребенка в поэтику текста, его литературно-художественные средства — необходимая ступень развития читателя и порою довольно трудная, высокая. Высокая, потому что восприятие образной ткани произведения (его разнообразных тропов: сравнений, метафор, метонимий и т. д.) требует жизненных знаний, языкового опыта, эстетического и нравственного чутья. И если восприимчивость к красоте и душевная отзывчивость — во многом генетически заложенные качества, которые могут подаваться лишь воспитательной «отделке», то в формиро-

вании жизненных и языковых знаний роль воспитателя значима и многогранна.

Слушают «Стрекозу и Муравья».

— «Помертвело чисто поле...» — это как? Оно, что ли, было живое? — спрашивает Кирилл.

— Да, — отвечаю. — Было зеленое, все в цветах, душистое, а осенью трава засыхает, желтеет и даже сереет, прижимается к земле...

Аня задумчиво:

— Мы видели, видели это!

А вот встретившийся рядом образ: «Зима катит в глаза» — поняли сразу, даже попытались изобразить: «Зима близко, ее уже видно» (и вытаращили глаза).

Читая различные книжки своим внучатам, я заметила, что метафоры, связанные с движением, и понимаются точнее, и воспринимаются активно.

В одной из сказок братьев Гримм встретилось расхожее выражение «бежать сломя голову». Аня резко опустила голову («чтобы не мешала») и помчалась, наглядно раскрывая свой ответ о значении этого тропа.

В том же тексте натолкнулись на еще более динамичное сочетание слов: «гнать в три шеи». Спрашиваю, почему «в три»? Аня: «Три раза по шее стукнуть! — И через секунду добавила уверенно: — камнем!» Этот троп я не позволила изображать, но другой — «сидеть сложа руки» — дети тут же наглядно показали. Кирилл же еще и прокомментировал по-своему: «Грустить, значит!»

Своеобразная трактовка ребенком того или иного выражения или слова из услышанного текста может опираться на самые разные основания. Это, например, домысливание причины поступка или состояния героя. Читая, скажем, сказку Э. Рауда «Муфта, Полботинка и Моховая Борода», я обратила внимание Кирюши и Ани на фразу: «Пораженный Михаил Борисович не мог и слова вымолвить». Попробовала объяснить ее. Кирюша зацепился за слово «пораженный» и сказал, что в Михаила Борисовича стреляли и поразили его, поэтому он молчал. А Аня предположила, что этот персонаж потому не мог слова вымолвить, что «боялся — вдруг его услышат».

В этой же сказке встретилось выражение «его осенило». Дети решили, что герой стал синим, внучка же домыслила: «Синица прилетела и его покрасила».

Такое понимание слова, основанное на звуковой ассоциации, — довольно часто встречаемое явление и во взрослой среде. Неудивительно, что Кирилл, остро реагирующий на воинственную лексику, такое мирное словосочетание, как «обронил слово», связывает с «бронею», «военной машиной», а фантазерка Аня фразу «его охватили радужные мысли» объясняет так: «Он на радуге сидел, которая его охватила, и думал...». В трактовке схожих метафор девочка опускает их на бытовой уровень. «Погрузиться в раздумья» — значит для нее «погрузить вещи, а потом раздумать» (наверное, образ возник в ожидании нашего переезда на дачу). Здесь явно «работает» уже не звуковая ассоциация, а омонимия — разное значение одного и того же слова. Взрослые привыкли не замечать метафоричность живой речи, а дети весьма забавно и вполне закономерно расшифровывают ее. По поводу выражения в одном из рассказов В. Драгунского: «Папа весь расцвел» — Кирилл сказал: «Это он покрылся прыщами», а Аня подумала, что «на нем раскрылись лепестки, цветочки разные...»

Образная картина, возникающая в строчке из басни Крылова «Лисица и Виноград»: «У кумушки глаза и зубы разгорелись» — в Анином восприятии предстает в прямом значении слов:

— Это значит, что в глазах у нее зажглись огоньки, а зубы стали горячими.

— Нет! — возражает более трезвомыслящий Кирилл. — Это просто она очень голодная была!

Переносное значение глагола «гореть» и в другом сочетании он точно определил («гореть от нетерпения» — значит «очень хотеть»).

Итак, постижение художественного образа в тексте маленьким читателем-слушателем — полезный и интересный путь разностороннего познания жизни и секретов родного языка. Но важно не только это. В самом восприятии слова, толковании образа ребенком раскрываются перед нами, взрослыми, разные типы отношения к тексту, свидетельствующие о зарождении различных типов читателей в будущем.

Я рада, что наши разговоры о художественности в текстах пробудили у ребятшек интерес к слову вообще. На прогулке Аня меня спрашивает: «А от какого слова произошло “небо”? А “листья” что значит? Почему земля называется землей, а солнце — солнцем?» Порою трудно бывает ответить на такие этимологические вопросы, но я не отмахиваюсь, а обещаю, если встаю в тупик, поискать в словаре,

откуда произошло заинтересовавшее девочку слово. Это мне и самой интересно и полезно.

Слово... Как беден наш повседневный лексикон! И как варварски, как бездумно преступно относятся к родному языку современные молодые люди! Идешь по улице, и из уст отлично одетого парня интеллигентного вида, и того хуже — девушки, слышишь спокойную речь, обильно пересыпанную ненормативной лексикой... Ужасно, но уже не вступаешься за русский язык и даже не вспоминаешь о «декабристах» — арестантах, когда-то, во времена хрущевской «оттепели», отбывавших 15-суточное наказание за сквернословие.

Не знаю, уберезет ли раннее прикосновение растущего человечка к волшебству родного слова от издевательства над родным языком, но хочется думать так. И потому стоит пожелать взрослым людям стараться найти для малыша минутку, чтобы обратить внимание на чудесные свойства языка. А чтение вслух — удобный и прекрасный к тому повод.